

Утренняя смена в императорской школе еще не подошла к концу, а по ее коридорам уже всюду гуляло поветрие новой игры — гомоку.

Пятеро принцев, забыв о наставлениях, увлеченно перебрасывались записками, расчерченными в клетку. Когда Великий наставник Си Шицю обнаружил это безобразие, весть мгновенно разлетелась среди всех учителей.

В отличие от разгневанного Си Шицю, Великий наставник Фан проявил к шалости неожиданную снисливотельность.

— Партия в облавные шашки требует уйму времени, — рассуждал он, поглаживая бороду. — Нужно изучать дебюты, вдумчиво анализировать каждый ход... Только тогда познаешь истинный вкус игры. А это гомоку — игра быстрая, правила просты, порог вхождения низок. К тому же она неплохо развивает смекалку.

— Это лишь пустая забава, — недовольно буркнул учитель Си.

— Пятый принц обмолвился, что Седьмой принц научился этому у кого-то из слуг во дворце Цзюйань. Знаете, коллега, порой мудрость простолюдинов не стоит недооценивать.

Учитель Си приложил ладонь ко лбу, чувствуя, как начинает ныть голова.

— Вчера вы поймали их за распитием этого вашего «чая с молоком» прямо на уроке. Сегодня я застучал двоих за игрой в гомоку... И ведь в обоих случаях нити ведут к Седьмому принцу. Этот Маленький принц просто...

— Просто на редкость смысленный малый, — закончил за него Великий наставник Фан.

— Что?

Но Великий наставник Фан уже отвернулся. Глядя на плывущие в небе облака, он задумчиво перебирал пальцами бородку, чувствуя, что начинает всерьез скучать по своему самому младшему ученику.

Впрочем, в глубине души его грызло сомнение. Этот кроха еще недавно проявлял такое рвение к учебе, что готов был заниматься даже под столом. Почему же теперь он перестал приходить на занятия?

Император Чунчжао провел на редкость спокойную ночь: никто не путался под ногами и не требовал внимания. Наконец-то закончив с государственными докладами, он смог выкроить время для своего давнего увлечения — изучения новых рецептов и создания благовоний.

Однако, несмотря на долгожданную тишину, на душе у него было беспокойно. Будто из жизни исчез какой-то важный, пусть и шумный элемент.

Едва завершилась утренняя аудиенция, император Чунчжао по пути в свои покои спросил:

— Скажи, пока я был в зале, Седьмой принц не заходил?

— Вы же знаете Седьмого принца, — отозвался евнух Юй. — Он обычно просыпается аккурат к окончанию вашего приема.

— А как дела в дворце Чансинь? Он не закатывал сцен прошлой ночью?

— Я как раз собирался доложить. Из дворца Чансинь передали: Седьмой принц ночью даже не переступил порога покоев Благородной госпожи Чу. Он улегся спать в постель Пятого принца. Говорят, братья отлично поладили.

— Не ночевал у Благородной госпожи Чу? — Император Чунчжао нахмурился. — Стало быть, всё еще дуется. А ужинал-то он как?

— Вместе с Пятым принцем, Ваше Величество.

— Ну, по крайней мере, голодом он себя не морит, — хмыкнул император. — Что ж, пусть живет у Пятого, укреплять братские узы — дело благое. Главное, чтобы вел себя смиренно.

В этот момент к ним подбежал запыхавшийся маленький евнух из школы. Обычно слуги оттуда приносили вести о том, кого из принцев наказали палками или кто в очередной раз прослушал наставления учителя. Такие гонцы служили своего рода связующим звеном между строгими педагогами и венценосным родителем.

Император Чунчжао даже сокрушенно вздохнул:

— Дай угадаю: снова Первый?

Он развернул поданную записку. Его глаза расширились: в «Списке наказанных на сегодня» каллиграфическим почерком были выведены имена всех принцев — от Первого до Пятого. Без исключения.

«...»

После недолгого молчания император процедил:

— Они что там, бунт решили поднять?

— Пятый принц принес в школу гомоку, — начал объяснять слуга, не смея поднять глаз. — Остальные принцы быстро научились и тоже принялись играть на уроках. Четвертый принц обыграл Шестого, тот в гневе изгрыз любимую подушку Четвертого. В ответ Четвертый запустил ошметками этой подушки прямо в лицо брату. В школе начался сущий хаос. Учитель Си провел строгое дознание и выяснил, что старшие принцы тоже всю игру играли. В итоге всех выпороли линейкой по ладоням.

Представив эту картину, император Чунчжао почувствовал сочувствие к несчастному учителю, чье сердце наверняка было готово выскочить из груди от возмущения.

— И у кого же Пятый этому научился? — осведомился он.

— У Седьмого принца, государь, — пролепетал евнух.

— Этот... мелкий паршивец! — Император Чунчжао скомкал бумагу в кулаке. Он не знал, смеяться ему или злиться: чувство было странным, но вполне ожидаемым. — Где бы он ни появился, всюду сеет смуту!

Всего одна ночь — и он развратил своих братьев до такой степени. Ведь если не считать Четвертого, который превыше всего ценил крепкий сон, Пятый принц всегда был самым послушным и прилежным из всех. Младшего сына нет рядом, а его присутствие ощущается острее, чем прежде.

— Что это еще за гомоку? Найдите кого-нибудь, кто смыслит в этой игре, и ведите в Западный тёплый павильон. И пусть приведут Первого, Второго и Третьего. Младших пока не трогайте.

«Хочу посмотреть, что это за забава такая, ради которой принцы готовы забыть о долге и чести!»

Полдень.

Пятый принц вернулся в дворец Чансинь, понунив голову. Благородная госпожа Жун уже была в курсе случившегося и теперь стояла посреди покоев, бледная от гнева.

Мальчик попытался спрятать за спину отбитую ладонь и, держась за косяк, осторожно вошел внутрь.

— Матушка...

— Ты еще смеешь возвращаться? — ледяным тоном спросила Благородная госпожа Жун. — Ты хоть понимаешь, какую ошибку совершил?

— Я не должен был учить братьев гомоку... Из-за меня всех наказали. Я плохо учился и подвел вас, — Пятый принц опустил глаза, не в силах вынести её взгляда.

— Это лишь малая часть твоей вины, — отрезала мать. — Скажи мне, когда Четвертый и Шестой сцепились, почему ты не помог Шестому дать сдачи?

Глаза мальчика округлились от удивления.

— Но... ведь Шестой брат первый начал! Он разорвал любимую подушку Четвертого, а Четвертый её так берег...

— Это всего лишь подушка! — нетерпеливо перебила его Благородная госпожа Жун. — Кто тебе дороже: Четвертый принц или Шестой?

— Но Шестой был неправ! Если я не стану помогать тому, кто виноват, это ведь будет честно...

Благородная госпожа Жун присела перед ним и стальной хваткой сжала его плечи.

— Милый мой ребенок, запомни раз и навсегда: в этом мире, в этом дворце правда и ложь определяются лишь силой и властью. Мать Четвертого принца — всего лишь наложница И, за ней нет ни знатного рода, ни любви государя. А мать Шестого принца — сама Драгоценная наложница Лань... Если ты не заслужишь её расположения, и она нашепчет императору пару слов на подушке, что, если Его Величество отдаст тебя на воспитание кому-то другому? Тогда тебе придется, как Седьмому принцу, мотаться по дворцам и выбирать себе мать. И ты больше никогда не увидишь меня.

Она понизила голос до доверительного шепота:

— В этом гареме никто не будет любить тебя так, как родная мать. У Седьмого принца матери нет. Ты видел, какой была его жизнь до недавнего времени?

В глазах Пятого принца отразился неподдельный ужас.

— Я не хочу... не хочу этого. Матушка, не бросайте меня!

Благородная госпожа Жун осталась довольна результатом.

— Так на чьей ты будешь стороне, если Четвертый и Шестой снова поссорятся?

— Я...

— Пятый брат! Пятый братец! — звонкий, радостный голос прервал этот тяжелый разговор.

Цюй Дубянь стоял снаружи.

— Пятый брат, выходи играть!

Судя по всему, подобные беседы между матерью и сыном были здесь обычным делом, раз они даже не потрудились закрыть дверь. Цюй Дубянь невольно вздохнул: он простоял снаружи уже порядочно и больше не мог этого слушать.

«Да это же чистой воды издевательство над психикой! Как же Пятый брат жил всё это время?»

Мальчик вспомнил их встречу в саду: Пятый принц тогда в лютый мороз прижимал к груди вазу, его пальцы посинели от холода, но он не смел даже шелохнуться, следуя за Шестым принцем, словно послушный раб. Теперь понятно, откуда в нем эта рабская покорность.

В покоях воцарилась тишина. Секунд через десять Благородная госпожа Жун вышла к Цюй Дубяню, ведя сына за руку. На её лице сияла вежливая и ласковая улыбка.

— Седьмой принц, у вас какое-то дело к брату?

— Хочу позвать Пятого брата немного погулять.

— Разумеется, — улыбнулась Благородная госпожа Жун. — Ступай, Пятый, присмотри за младшим.

Пятый принц со всё еще покрасневшими глазами молча поклонился матери:

— Слушаюсь, матушка.

Они вышли из дворца. Пятый принц выглядел так, будто в нем что-то надломилось; он был еще молчаливее и печальнее обычного. Если бы это была картинка, можно было бы сказать, что в его глазах погасли искорки жизни.

Цюй Дубянь велел подогнать свою маленькую собачью повозку. Когда они покинули стены дворца Чансинь, он легонько коснулся плеча брата:

— Пятый брат, присаживайся. Я называю это «Повозкой Счастья». Стоит на ней прокатиться — и все печали как рукой снимет!

Да Хэй гордо выпятил грудь. Его мускулистое тело под гладкой шерстью казалось воплощением скрытой мощи, а деревянный намордник лишь придавал ему грозный вид.

— Повозка Счастья? — переспросил Пятый принц.

Не успел он опомниться, как Цюй Дубянь усадил его на сиденье и залез следом. Крепко вцепившись в поручни, Седьмой принц скомандовал:

— Да Хэй, сегодня вези нас плавно!

Собака медленно тронулась с места. Пятый принц инстинктивно вцепился в перила. Цюй Дубянь раскинул руки и зажмурился от удовольствия:

— Как же хорошо!

Его спутник не на шутку перепугался и схватил брата за край одежды:

— Седьмой брат, давай лучше слезем! Ты же упадешь!

— Да Хэй, поддай жару!

Собака прибавила ход. Слуги, шедшие позади, перешли с быстрого шага на бег. Пятый принц наконец не выдержал и закричал:

— А-а-а-а!

— Ха-ха-ха! Мы летим! Спутник Е, не отставай, тебе не помешает размяться!

Слыша залиvistый смех брата, Пятый принц постепенно перестал бояться. Сердце забилося чаще, и детская натура, которую подавляли с самого рождения, наконец прорвалась наружу. Посмотрев на счастливого Цюй Дубяня, Пятый принц и сам не заметил, как расплылся в

улыбке и расхохотался во весь голос. Он и сам не знал, над чем смеется, но ему было просто... хорошо.

«Оказывается, когда матушки нет рядом, можно быть таким счастливым»

Повозка остановилась у ворот дворца Шуньнин. Братья, покрасневшие от смеха, еще долго не могли отдышаться. Цюй Дубянь взял Пятого принца за руку.

— Ну что, теперь тебе весело?

Тот энергично закивал.

— Очень! Но где мы, брат?

Цюй Дубянь заговорщицки понизил голос:

— Здесь готовят вкуснее, чем на императорской кухне. Я приведу тебя сюда только один раз.

С этими словами он во всю глотку закричал у ворот:

— Наложница Сюань! А-цзе! Я снова здесь!

В первый раз заходишь как гость, во второй — как знакомый, в третий — уносишь еду с собой, а в четвертый — чувствуешь себя как дома.

Тем временем во дворец Чансинь доставили вчерашние дары императора: благовония и два золотых жуи. Не застав Маленького принца, евнух передал подношения Благородной госпоже Чу, наказав ей получше заботиться о мальчике, как того желал государь.

Едва гонец скрылся из виду, из восточного крыла вышла Благородная госпожа Жун, прикрывая рот платком в ехидной усмешке.

— Только что Седьмой принц заходил за Пятым. Я-то гадала, куда они подевались, а оказывается, он утащил моего сына обедать в дворец Шуньнин. Ох, милая, вчера вы его к себе заманили, а сегодня он снова сбежал. Как по мне, если нет у вас с ребенком духовной связи, так не стоит и неволить. К чему позориться перед всеми?

В гареме многие только и ждали неудачи Благородной госпожи Чу, надеясь, что принц её отвергнет и император выберет новую кандидатку. Благородная госпожа Жун всмотрелась в

невозмутимое лицо наложницы и прошептала еще тише:

— Слыхали? Государь снова просматривает списки. Видать, и сам понял, что Седьмой принц к вам не больно-то тянется.

— Не утруждайте себя заботами о моем благополучии, сестра, — спокойно ответила Благородная госпожа Чу. — Даже если Его Величество решит сменить воспитательницу, ближайшие четыре дня Седьмой принц проведет здесь.

Она скользнула взглядом по императорским дарам. Каждая вещь была бесценна, и то, что государь так легко расставался с ними ради сына, говорило о многом. Похоже, Седьмой принц значил для императора гораздо больше, чем полагал тот таинственный покровитель, приславший ей вести. А значит, шансы на спасение её брата, томящегося в темнице, были велики.

Вернувшись в свои покои, Благородная госпожа Чу не притронулась к обеду. Она долго сидела у окна, погруженная в думы. Император отвел ей всего пять дней, один уже миновал. Если за оставшиеся четыре она не сумеет привязать к себе мальчика, её непременно заменят.

Но Цюй Дубянь почти не бывал у неё: спать уходил к брату, есть бегал в дворец Шуньнин. Что она может сделать за столь короткий срок?

В конце концов, терзаясь сомнениями, она достала из тайника под кроватью маленькую бутылочку с порошком. Это средство передал ей брат еще до того, как попал в тюрьму.

«Это не яд. Всего несколько дней, это не причинит ему вреда»

Благородная госпожа Чу глубоко вздохнула.

— Сегодня вечером... Седьмой принц должен обязательно вернуться на ужин из дворца Шуньнин.

<http://bllate.org/book/16117/1589524>